

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЖЕЛТЫЕ ЗУБЫ

ГЛАВА 1

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ...

Себ увидел его краем глаза.

Высокая, одетая в темное неподвижная фигура стояла на фоне красной береговой линии, будто бросая вызов розовым, голубым и желтым дверям хорошеньких пляжных домиков, стоящих вдоль променада. Каким-то шестым чувством Себ ощутил исходящую от нее угрозу. Вздрыгнул, почувствовав на себе неожиданно тяжелый изучающий взгляд — и в его сознании тут же возникли размытые очертания лица наблюдателя. Себ был готов поклясться, что видел, как фигура деловито оглядывалась по сторонам. Хотя... Скорее всего, все это было лишь игрой его воображения.

Себ отставил кофе, отложил ноутбук, развернулся на скамейке и прищурившись уставился вдаль. Он сидел у края скалы, на мысу с южной стороны пляжа. Несмотря на то, что день был ясным, Себ понимал, что глаза этого человека ему разглядеть не удастся — слишком далеко. Однако он испытывал такой дискомфорт, будто они нахо-

дились в одной комнате и незнакомец нагло сверлил его взглядом.

Пятьюдесятью футами ниже того места, где устроился Себ, между Броудсэндз и Элбери Коув, до едва видимой линии горизонта раскинулось пустынное море. Береговая линия, изгибаясь, бежала на север — до Пейнтона и дальше, к Турки, — берег цвета бордо и серые утесы достигали Носа Надежды. Какая-то часть Себа все еще надеялась нащупать неуловимый импульс, необходимый, чтобы написать то, что он хотел, но это грубое вмешательство уничтожило все его планы.

Присмотревшись внимательнее, он с удивлением обнаружил, что фигура стояла вовсе не на пляже. Она будто бы возвышалась на несколько футов *дальше* того места, где оканчивался песок. Должно быть, человек находился на мелководе или пристроился на каком-нибудь подводном камне, но впечатление было такое, что стоял он прямо *на воде*. Наверняка какой-то любопытный трюк, связанный с искажением перспективы.

Со своего места Себ мог разглядеть лишь дальнюю часть пляжа. Он наблюдал за тем, как по берегу бегали несколько собак, то и дело бросаясь в тихий прибой и стрелой уносясь прочь, а их хозяйева без дела болтались неподалеку, лениво переговариваясь и изредка покрикивая на своих неутомных питомцев. В море же в это утро не было ни купальщиков (апрельская вода для них еще слишком холодная), ни прогулочных яхт. Немногочисленные посетители пляжа, казалось, совершенно

не замечали одинокого стража — даже несмотря на то, как близко к ним он стоял. Возможно, он был настолько непригляден, настолько не вписывался в их милый мирок, что они попросту решили считать его невидимкой?

Себ не мог сказать, откуда взялось это ощущение, но он буквально каждой клеточкой чувствовал, что эта одинокая темная фигура распространяла вокруг себя нечто, заглушающее все звуки жизни. Крики морских птиц постепенно затихали. По мере того как все вокруг умолкало, шум моря становился все громче. Себ все глубже и глубже погружался в себя. Вскоре шум волн, перекрывающий все остальные звуки, стал больше похож на журчание проточной воды.

На мгновение Себу показалось, будто его вывернуло наизнанку словно перчатку: тишина поглотила все вокруг и вырвала из привычного мира. Ветер затих. Он чувствовал себя дезориентированным, слегка подташнивало. Шум воды становился громче. Спустя какое-то время — он не мог сказать точно, но казалось, что всего лишь через несколько мгновений,— сознание прояснилось и мысли постепенно пришли в порядок. А затем откуда-то издалека, откуда-то сзади — или вообще из глубины подсознания,— донесся голос, назвавший его по имени.

Себастьян.

Раздавшийся паровозный гудок напомнил ему рев динозавров, чьи раздробленные кости там и сям торчали, словно острые зубы древних

чудовищ, из скалистого берега, где известняк и бу-ро-красный песок ссыпались под давлением друг друга. Себ вздрогнул, и даже его вздох, казалось, был порожден кем-то, стоящим за плечом.

За две мили отсюда паровоз, везущий очередную партию отдыхающих, величаво выполз на противоположный мыс, держа путь к большим виадукам, построенным Брюнелем¹. Струи дыма клубились и вытягивались в постепенно исчезающую дорожку пара. Длинная вереница вагонов, окрашенных в шоколадные и сливочные цвета, степенно, с воинственной решимостью следовала за паровозом.

Себ три года прожил в районе залива, но поезд в его сознании до сих пор ассоциировался с миром Агаты Кристи: дамы, джентльмены с тоненькими усиками — все одеты для праздничного ужина. Он уцепился за эти воспоминания, как утопающий хватается за соломинку. Почти умолял этот паровоз вернуть его в мир, который был здесь всего лишь несколько секунд назад.

И тот выполнил его просьбу. Связь со стоящей на берегу фигурой, кем бы она ни была, разорвалась.

Когда Себ вновь посмотрел на пляж и внимательно оглядел его от края до края, наблюдателя уже не было.

Исчез.

---

¹ *Изамбард Кингдом Брюнель* (1806—1859) — британский инженер, одна из крупных фигур в истории Промышленной революции XIX века. (Здесь и далее примечания переводчика.)

* * *

Прошло несколько дней, и он уже нашел довольно рациональное объяснение беспокоившим его событиям: он устал; возможно, в крови резко упал сахар; его загипнотизировала игра солнечных зайчиков на воде.

Но когда вновь увидел этого человека, то понял, кто это.

ГЛАВА 2

СЛИШКОМ ТЕСНЫЙ ПОКРОВ

С утра Себ подготовился к работе над новой книгой. Честно признаться, он скорее заставлял себя поверить в то, что она будет написана, чем действительно писал. Открыл ноутбук, приготовил кофе, налил стакан воды. Сам процесс едва ли походил на то, как он работал над предыдущими романами. В этот раз создаваемые им образы не производили требуемого впечатления, сюжет был банален, наводнен совершенно непонятными, картонными персонажами. Все это было совсем не то, что он хотел написать.

Шесть месяцев ушло на то, чтобы понять: его фантазия иссякла. Вся внутренняя энергия была растрочена или, возможно, вытекла еще тогда, когда он писал свой предыдущий роман. Себ писал его, руководствуясь читательским чутьем — чутье же, словно стрелка компаса, захваченного магнитной бурей, бешено вертелось в круговороте сомнений и неоправданных ожиданий, не говоря

Часть первая. ЖЕЛТЫЕ ЗУБЫ

ничего определенного насчет качества книги. Когда он отдавал рукопись издателю, то все еще не был в ней уверен. В итоге, когда роман опубликовали, даже его самые ревностные почитатели оказались разочарованы.

Когда-то сады, разбитые на утесе в Гудрингтоне, с их чудесным панорамным видом на залив, были его любимым местом. Здесь он писал свои книги. На этой самой скамейке из-под его пера вышли два особенных для Себа романа. Сады над пляжными домиками и променадом в северном конце Гудрингтона всегда вдохновляли его, но больше всего Себу нравилось любоваться ими весной. В то утро далеко под ногами темное море обнимало узкий лучик света, сбежавший сквозь щель во вратах рая и разметавший по всей поверхности моря до самого туманного горизонта миллионы сверкающих серебром осколков. Где-то справа от скамейки море ритмично отбивало такты какой-то приятной мелодии. *Если ты не можешь писать здесь, то нигде больше не скроишь ничего нового.*

На таком удалении Гудрингтон и Бриксхем, находящиеся еще дальше, могли бы послужить образцами архитектуры прибрежного градостроительства. Их белые с красными крышами домики, построенные на склонах холмов, выглядели так, будто были слеплены из конструктора лего. Отовсюду крохотными метелками выглядывали макушки деревьев, а казавшаяся игрушечной железная дорога разделяла город и побережье. Торбей был единственным местом, где Себ чувствовал

